

Н. М. Пашаева

Вспоминая Иерусалим¹

Скоро год, как паломницей я побывала в Иерусалиме. Память свято хранит эти четыре дня моей жизни — скрее даже два дня — первый и последний ушли на дорогу.

В советскую пору об этом нельзя было даже мечтать, потом не было ни денег, ни возможностей. Теперь, казалось, преград нет. Но четыре паломнические фирмы мне отказывают — можно ехать только с группой на одну-две недели, а я по моим бытовым условиям могу покинуть Москву не более чем на три-четыре дня. Наконец, с пятой попытки я — паломница, причем только в Иерусалим. Но это даже лучше. Когда слышишь рассказы знакомых, вернувшихся со Святой Земли, или читаешь их воспоминания — восторгам нет границ. Чудная земля, трогательный Вифлеем, на местах, связанных с жизнью Спасителя, — монастыри, храмы, часовни. А ветхозаветные святыни, а пленительная природа Галилеи! Среди этих восклицаний как-то даже теряется Гроб Господень, один эпизод из того, что увидели паломники. И знаменательно, что организаторы паломнических поездок, кажется, стараются оградить людей от тяжелых переживаний — так, например, Гефсиманский сад не входил в предложенную мне программу.

Наступил, наконец, желанный день — 11 декабря 2006 г., понедельник. Вечером буду в Иерусалиме, впереди два полных дня — вторник с гидом, в среду одна, а в четверг — снова на самолет, и вечером я опять дома! За плечами три часа всяческих проверок на аэродроме в Домодедове — три часа проверяют, меньше четырех летишь! Я

уже в небольшом уютном самолете человек на 120, лечу не первый час, но движения почти не чувствуешь, ни о какой качке нет даже помина — это тебе не автобус! Вдруг самолет начинает трясти, он подскакивает — оказывается, мы уже едем по земле аэродрома в Тель-Авиве.

В самолете я находилась с группой, а дальше у меня индивидуальный план, и фирма прислала за мной симпатичного молодого гида. Вместе мы отправляемся в Иерусалим — это еще немного, менее часа езды. Сразу же по пути нас встречают огромные зеленые пальмы. Неожиданно справа почти отвесная скала с редкой растительностью.

— Что это?

— Еврейское кладбище.

— Древнее?

— Нет, современное.

А впереди слева, немного в отдалении, — густо застроенные холмы. Это — новый город. Как я узнала позже, — новостройки, заселенные евреями. Если в город приезжают люди других национальностей, они стараются устроиться в стенах Старого города, который доньше делится на четыре квартала: христианский, мусульманский, армянский и еврейский. Я была в Иерусалиме паломницей, отнюдь не туристкой. В программу паломника не входит традиционная автобусная экскурсия по городу, и современного Иерусалима я не видела. Меня интересовал Старый город, составляющий сегодня незначительную часть всей городской застройки, — он окружен стенами XVI в., стоящими на древних фундаментах. И гора Елеонская.

¹ Настоящие заметки очень личные. Сейчас постоянно выходят воспоминания о паломничестве по Святой Земле. Не совсем обычным в моих впечатлениях было то, что увидела Священный город не с толпой паломников, не в праздник, а в два будних дня, когда вокруг людей очень немного и нет богослужений. Сокращенный вариант воспоминаний под тем же названием см.: Лампада. 2007. № 2 (53). Март—апрель. С. 9—10.

Мы быстро доехали до гостиницы возле Яффской улицы, недалеко от восточной стены Старого города, «в центре Иерусалима», как гласит реклама. Благоустроенный номер в доме, вероятно, второй половины XIX в., с балконом. Приехавший начальник гидов из моей фирмы побеспокоился, все ли для меня сделано. Я обязательно хотела побывать на Масленичной, Елеонской горе. В план поездки это не входило, но, доплатив положенное, я получу гида не на четыре, а на восемь часов, и придет гид православный. Я еще успела спросить, криминогенная ли в городе обстановка и можно ли ходить спокойно вечером. Оказывается, можно: «У нас полиция и армия».

Чистенькая комната, тумбочка с настольной лампой, верхний свет, все удобства, двуспальная кровать, в углу полочка с телевизором и ни стола, ни стула. Это все вызвало у меня веселую улыбку, недаром при прощании через два дня перед отъездом милая буфетчица, кормившая меня положенным завтраком и даже по моей просьбе добавлявшая мне немного лишнего хлеба, сказала моему гиду-шоферу по-английски, а он перевел: «Хорошая была наша клиентка, она все улыбалась». И действительно, за эти дни меня никто ни разу не обидел.

Наутро я встала рано и на балконе встречала рассвет. В городе чудный воздух. Перед рассветом было удивительное небо, полное звезд и третья четверть луны. Вот он, город, бесконечно любимый Спасителем!

В восемь часов пришел мой гид. Накануне мне назвали его уменьшительным именем — отчество здесь не полагается. Я ожидала увидеть мальчика, а передо мной стоял господин чуть за пятьдесят. По образованию, как я узнала от него, он — филолог, ленинградец, уже двадцать лет здесь. В фирме его ценят, а когда мы шли по городу, он не раз должен был раскланиваться в ответ на приветствия. Позже он сказал мне, что мы понимали друг друга с полуслова. Этот человек был для меня настоящим подарком (как любят говорить, «судьбы»). Непрерывно восемь часов я провела рядом с горячо верующим человеком. Он показал мне не просто «объект паломничества», а действительно святой город, поделился своим духовным видением.

Моим самым горячим желанием было увидеть Гроб Господень. Я все боялась, что что-нибудь помешает, и к храму Гроба Господня мы направились сразу. Милый гид повел меня из гостиницы через переулочки и сказал, что по дороге к себе в номер у меня хорший ориентир — буквально в нескольких шагах великолепный

В храме Гроба Господня. Голгофа.
Фото Н.М. Пашаевой. 2006 г.

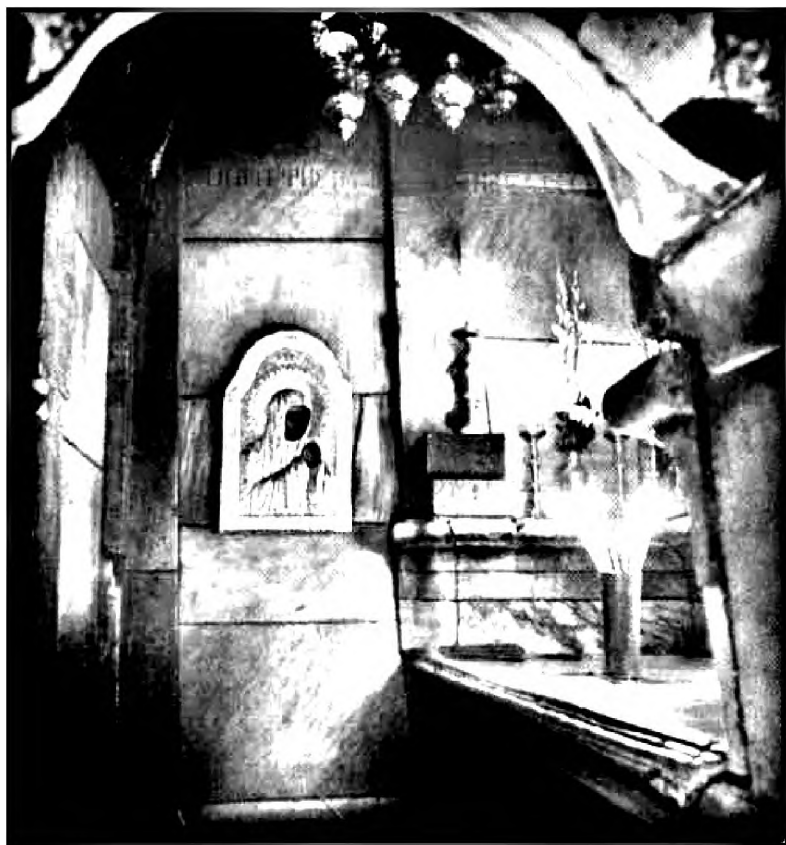
Троицкий собор Русской миссии, православный храм Московского патриархата. К сожалению, он бывает открыт только в часы богослужений, а их в будни не бывает. А дальше мы уже почти у храма Гроба Господня, но раньше надо зайти на базар. Оказывается, в храме нет свечного ящика. Необходимо купить свечи — пучек из 33 белых свечей, по числу лет Спасителя, освятить их в храме — зажечь факелом от лампадки в Кувуклии от Благодатного Огня и тотчас погасить. Эти свечи по возвращении хранят как священную память об Иерусалиме, дарят самым близким... В той же лавочке рядом со свечами и иконками продается маленькая менера — еврейский семисвечник для празднования Хануки. Еще в первый день недолго моим собеседником был житель Иерусалима, хорошо знавший ситуацию в городе. И недаром на мой вопрос, есть ли в Иерусалиме между исповеданиями и церквями какая-нибудь вражда, последовал ответ: «В Иерусалиме — нет».

Мне надо было купить для подарка «икону с храмом». Мой гид повел меня в знакомый магазин на базаре. Что подразумевал мечтавший иметь такую икону, я не знаю, но мне, наконец, нашли «Вход Господень в Иерусалим» — рисованную

копию с греческого образца XVII в. Она оказалась очень дорогой, но, когда гид сказал, что я паломница, уступили за полцены, как и альбом о Святой Земле². Денег почти не осталось, было еще немного русских рублей, но обменять их на доллары здесь почти невозможно.

Наконец, мы у храма. Он окружен такой плотной застройкой, что сфотографировать его можно

Спасителя, готовя Его к погребению. Площадка, как и сам Гроб Господень, покрыта гладкой мраморной плитой, чтобы паломники не могли отщипывать кусочки камня. Падаешь на колени, наземь кладешь ликом кверху заранее купленные образа, можно нателный крестик, свечи, и по твоей молитве они освящены. Встаешь с колен, еще несколько шагов и ты в величественном Храме. Собственно

Кувуклия. Гроб Господень

разве что сверху, с какой-то высокой точки или с самолета³. Вход с южной стороны, перед ним дворик. Обычно у входа всегда полно народа, но сейчас людей очень немного, туристов, кажется, вообще не было. Как объяснили мне уже дома, туристов отпугнула «нестабильная обстановка» за пределами города. К тому же были будние дни. Для меня это оказалось счастьем. Мы свободно вошли в храм и неожиданно оказались перед Камнем Помазания. Это низкая каменная площадка, на которую положили снятого с Креста

это два храма с двумя куполами. Под меньшим куполом алтарем на восток — храм Воскресения Христова. Горит золотом иконостас — такой знакомый по московским старинным храмам. Здесь по воскресеньям ночью служат православную Литургию, в остальное время он огорожен ленточкой и мы видим его издали. Но главная святыня христианства не здесь — она рядом, под большим куполом западной части Храма. Посередине помещения, которое кажется огромным, — Кувуклия, что в переводе с греческого означает «опочивальня»⁴. Это часовня с куполом внутри Храма над пещерой, где в Страстную пятницу вечером был погребен Спаситель и где Он воскрес. И Храм, и Кувуклия в нем открыты в определенные часы каждый день. Кувуклия немного меньше самого Храма и его святынь. И Храм, и святыни, и Кувуклия доступны для посещения всем. Здесь нет ни свечного ящика, ни тарелок для пожертвований, ни правил поведения, ни видимой охраны, а в эти будние дни не было видно и духовенства. Переступая порог Храма, попадаешь в особый мир полной свободы: можно прийти в любом виде — женщине в брюках и с распущенными волосами, мужчине надо только снять шапку. Можешь ходить, можешь сидеть — скамеек сколько угодно. По неярким светом, льющимся из окон высокого купола, все течет неторопливо, тебя никто не торопит. В Кувуклию — самую большую святыню христианства — может войти и трпетно верующий, и атеист и любопытный.

² Путешествие в Святую Землю. Jerusalem, б.г., 192 с.

³ Там же. С. 162—163; Jerusalem Tourist guide. Jsrael, 2005—2006. С. 38.

⁴ Носенко Т. Иерусалим. Три религии. Три мира. М., 2006. С. 170.

Чаще всего входят по одному, и что переживает, как себя держит человек, это его личный контакт с Богом, с Рясанием и Воскресением... Порой в Кувуклии блещит даже фотовспышка. А в праздники здесь может совершаться Литургия.

Пока не открылась Кувуклия, мой добрый гид повел меня по святыням Храма. Это прежде всего Голгофа. Предание говорит, что Крест на Голгофе был утвержден над могилой Адама. (Отсюда череп и кости у подножия наших распятий.) И когда кровь Спасителя пролилась на скалу, она расселась, и эта трещина доныне — святыня. Божьей кровью был освящен род человеческий. Скала Голгофа — пять-шесть метров высоты⁵ на востоке над полом храма теперь выглядит как балкон с алтарями (на месте Креста Спасителя) и прекрасным православным Распятием с предстоящими, которое видишь выходя из Кувуклии (если ты в силах еще что-то видеть).

А дальше — вниз на северо-востоке главного Храма с Кувуклией — место обретения Креста Господня святой царицей Еленой (325 г.). Начатое ею строительство, продолженное сыном — святым равноапостольным императором Константином Великим, закончилось в 335 г. 13 сентября великолепная базилика Анастасис — Воскресение — была освящена, и доныне Православная Церковь празднует этот день — Воскресение Славушее. И если храм построен в честь этого праздника, то 13, по новому стилю 26-го сентября, здесь покоятся пасхальные песнопения, и на всенощной накануне и на Литургии звучит «Христос воскрес» и, как на Пасху, храм отвечает «Воистину Воскресе!».

В 614 г. храм Константина Великого был разрушен во время персидского нашествия, восстановлен и снова разрушен в середине XI в. по приказу халифа Хакима Безумного. (Под властью мусульман Иерусалим находился с 638 г.) В 1099 г. Иерусалим был взят крестоносцами во время Первого крестового похода. Рыцари нашли Гроб Господень в жалком состоянии, и тогда началось строительство нового храма, объединившего под своей большой крышей святыни Голгофы, не утраченные с эпохи Константина Великого. Храм был освящен в 1149 г. и получил новое

название — уже не Анастасис, а Святой Гроб, или Гроб Господень. Как пишет современный исследователь, «на сегодняшний день храм Гроба Господня сохраняет тот облик, который ему придали восемь с половиной столетий назад “рыцари Христовы”»⁶. Когда спускаешься по лестнице вниз в храм Святой Елены, на каменной стене видишь изображения множества маленьких крестов. Их оставили крестоносцы.

«Вокруг главного храма идет коридор, очень мрачный, в котором расположены маленькие открытые приделы в честь событий или лиц, имевших отношение к страданиям Христа»⁷. Мой гид прошел со мной весь этот «коридор», который не показался мне темным, назвал каждый придел, сказал, какому исповеданию он принадлежит. Особенно запомнился мне армянский придел с престолом Разделения Риз и престол Лонгина Сотника на месте его покаяния. По преданию, именно Лонгин пронзил ребра уже умершему Христу (Ин. 19, 34). Он уверовал в Иисуса Христа, был крещен апостолами, проповедовал Евангелие в Каппадокии и мученически погиб. Наконец, мой гид, как и обещал, подвел меня к отгороженному закоулку близ Голгофы, с дверью в глубине, и рассказал, что это — темница Христова, место, где Спаситель был заключен, пока готовились орудия казни. В ней отверстия для ног осужденного, снизу их связывали. На этом месте была решетка, ее нашли археологи. За решетку Богоматерь не пустили проститься с Сыном. Она после Воскресения пребывает здесь невидимо и является порой паломникам с VI в. Происходит это постоянно. Многие люди получают просимое...

Мы приложились ко Гробу Господню и пошли на другой конец Старого города, на гору Сион, на юг, уже за городскими стенами. Мы прошли практически через весь город. Над ним господствует Храмовая гора со сверкающим куполом мечети Куббат ас-Сахра («Купол скалы»), ошибочно называемой «мечетью Омара»⁸. Гид повел меня по верху, так что я увидела стены и двухарочные «Золотые ворота», восстановленные на древних фундаментах в XVI в. Через Золотые ворота на ослике въехал Спаситель в Иерусалим за

⁵ Там же. С. 82.

⁶ Там же. С. 171.

⁷ По святым местам: От Киева до Иерусалима / Под ред. новомученика прот. Александра Глаголева. М., 2005. С. 45. В первом издании составителем отчета о паломнической поездке студентов Киевской духовной академии 1911 г. назван С.Е. Кареев. Однако во всем отчете чувствуется рука редактора, замечательного ученого и проповедника. Мы знаем его по первым страницам «Белой гвардии» М. Булгакова.

⁸ Носенко Т. Указ. соч. С. 128.

неделю до Воскресения. И глядя на них, мне стало понятно, что это была ближайшая дорога, которая вела в ветхозаветный храм, минуя населенные кварталы города. К знаменитой Стене плача мой гид меня не повел, и я не просила из уважения к чужой вере. Город показался мне благополучным, я видела много детей, особенно в мусульманском и еврейском кварталах. Они вели себя шумно, но доброжелательно.

Наконец, мы вышли за городские стены и оказались на Сионской горе. Гид повел меня в Сионскую горницу Тайной Вечери. Она на верху здания, а под ней — «Гробница Давида», чтимая и евреями, и мусульманами⁹. Сейчас в ней синагога. Рядом еще несколько зданий. Здесь происходила не только Тайная Вечеря, но и Сошествие Святого Духа на апостолов. Тут, после Воскресения Христова, жил с Божией Матерью ее нареченный сын Иоанн Богослов. И становится понятным, почему на Тивериадском озере любимый ученик, увидев на берегу Христа, не бросился за Петром в воду, а спокойно с другими доплыл на лодке. «Это уже в третий раз явился Иисус ученикам Своим по воскресении Своем из мертвых» (Ин. 21, 14). Похоже, что именно здесь Спаситель бывал в эти 40 дней у Божией Матери, и для Иоанна встреча с Ним не являлась столь неожиданной, как остальным. Как рассказал гид, это священное для христиан место некогда было покрыто единым большим куполом, как ныне храм Гроба Господня. Здесь совершилось Успение Божией Матери. В начале XX в. на горе Сион было основано католическое аббатство бенедиктинцев «Дормицион» («Успение») и возведен большой храм. В его склепе, на ложе под куполом — прекрасная фигура усопшей Девы Марии из эбенового дерева (руки и лик из мрамора). Подойти поближе нам не предлагали, кажется, само помещение не настраивает на молитву. У нас на иконах обычно изображают Успение Божией Матери со стоящими вокруг ложа апостолами и явившимся за Ее душой Христом. Здесь Она лежала одна в пустом зале¹⁰.

Не однажды и здесь, и в других священных местах несколько раз претерпевшего тотальное разрушение Иерусалима мне говорили: «Это было здесь», опираясь только на Предание. Голос историка во мне подсказывал: «Где-то здесь». Но Иерусалим не становился для меня менее священным.

Внутренний дворик Воскресенского храма.
Фото Н.М. Пашаевой. 2006 г.

С Сионской горы мы с гидом направились к воротам святого Стефана, около которых был забит камнями первый христианский мученик, перешли шоссе и оказались в Гефсимании.

После воскрешения Лазаря Четверодневного первосвященники и фарисеи задумали убить Спасителя и Лазаря (Ин. 11, 53; 12, 11). Вечером в воскресенье Христос с учениками отправился за три километра из Иерусалима в Вифанию к Лазарю и его сестрам на ночлег и «водворился ту» (Мф. 21, 17). Утром они пошли обратно и произошло «осуждение смоковницы». Но почему друзья, отпуская путников, не накормили их? В синаксарии мы читаем, что, осознав опасность, Лазарь «на Кипр остров убегает», где позднее апостолы рукополагают его в епископы¹¹. Думается, бегство Лазаря и его сестер произошло вечером в воскресенье, они успели спастись вовремя, убийцы нагрянули позже, никого не застали и, ограбив дом, удалились. Уже после них пришел

⁹ Путешествие... С. 129.

¹⁰ Там же. С. 130 — 131.

¹¹ Синаксарий. Триодь постная. Суббота вайи. Утро.

Христос с апостолами, и они голодные провели ночь в знакомом раззоренном жилище. (Если бы не было грабежа, в благоустроенном доме нашлось бы что-то съестное.)

Последние три ночи перед арестом Спаситель ночевал под открытым небом в Гефсиманском саду. Другого пристанища у него не имелось. Сюда и привел меня гид. Перед нами была древняя церковь, а вернее, только нижняя ее часть, и подземная крипта, где положили усопшую Божию Матерь и где через три дня Ее уже не нашел Фома. Мы приложился к Ее ложу. В начале лестницы, ведущей вниз, справа — гробница родителей Богоматери Иоакима и Анны, а слева — гробница Иосифа Обручника. Как сказал мне гид, гробницы не вскрывались. Вблизи от входа — скала, о которую якобы опирался Спаситель во время молитвы о чаше, но, внимательно читая Евангелие, это кажется маловероятным¹². Думается, удивительная картина В.Г. Перова в Третьяковской галерее более всех виденных мною изображений близка к исторической истине. Сказать, как было, могли бы несколько старых корявых маслин, что остались от Гефсиманского сада, которым по 2000 лет, но они молчат. Однако то, что Спаситель устроивался на ночлег под открытым небом, молился вблизи могил Своих родных, говорит нашей душе о многом. Немного мы побыли еще в Гефсимании, уже смеркалось, более восьми часов мы ходили почти без отдыха. И добрый гид довез меня, уже полуживую, до гостиницы на такси. Мы трогательно простились, и я была очень благодарна ему за столь щедрый день.

Следующий день был собственно последним; четверг почти весь ушел на подготовку к дороге. Я боялась далеко выходить из гостиницы и заблудиться. Недаром считается, что в Иерусалиме 170 улиц и улочек. Если бы я не прошла впервые по городу с гидом, я бы ничего не поняла, но для души этот последний, третий день, который я провела в Святом городе одна, был, пожалуй, самым важным.

Утром я пришла ко Гробу Господню. Постояла на коленях у камня Помазания, потом в

Кувуклии... От храма, от Голгофы идет большая улица, сохранившая название Виа Долороза — «Скорбный Путь», по которой Спаситель прошел от места осуждения и бичевания до места казни и погребения¹³. На фотографиях в путеводителях это — строгая улица, иногда с изображением толпы паломников, католической процессии каждую пятницу, а также католических часовен или памятных знаков, отмечающих 14 эпизодов этого страшного пути. (Их изображения присутствуют на северной и южной стенах едва ли не всех католических храмов.) Как и все паломники, я вышла из Храма и отправилась по Виа Долороза, но не так как шел Христос, а как бы навстречу Ему. Точно ли улица сегодня соответствует тогдашней дороге, сказать трудно, но, скорее всего, это «где-то здесь». И дойдя в конце пути до первой остановки, я повернула обратно и прошла эту непрямую улицу мысленно со Христом, глядя только под ноги. По перепадам дороги идти было неодинаково: где труднее, где легче. Недаром Предание свидетельствует, что по пути Христос падал трижды. По дороге я заходила в часовни на остановках, и все это среди базара! У Храма еще стараются торговать свечами, иконами, сувенирами, а чуть дальше — только еда: овощи, фрукты, лепешки, ковры — настоящий весьма красочный восточный базар.

Я вернулась в Храм. Огромное помещение, высокие своды, Голгофа на втором этаже здания — здесь было Что-то, Что-то с большой буквы, здесь и воздух был другой, здесь был Бог. Я кажется, впервые изнутри разглядела Гроб Господень. Это маленькая пещера, у правой, северной стены узкое каменное ложе, продолжение самой стены, похоже, как мне показалось, на пристенные лавки в русских избах. Оно покрыто мраморной плитой, к которой мы прикладываемся, но под ней — скала. Я упала на колени, и мне вдруг стало страшно. Именно с этих камней, с жесткого каменного ложа воскрес Спаситель...

Надо было уходить. Глаза застилало. Я встала, направилась к выходу мимо Камня Помазания и не приложила. Христос Воскресе!

¹² Если сравнить трех евангелистов, мы увидим, что о скале не упоминает никто. Апостол Матфей, видевший сон, говорит, что Спаситель «пал на лице Свое» (Мф. 26, 39). Апостол Марк, знавший всё от апостола Петра, пишет, что Спаситель «пал на землю» (Мк. 14, 35). И только у евангелиста Луки мы находим упоминание, что Спаситель молился «преклонив колени» (Лк. 22, 41), и что «явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его» (Лк., 22, 43). Больше в Евангелиях упоминаний об Ангеле нет, а евангелист Иоанн вообще не говорит о молитве в Гефсиманском саду.

¹³ Напр., См. Буклет: *Via Dolorosa. Виа долороза*. Israel, Б.г.